

Кризис инновационной модели развития: некоторые проблемы

Р.А. Кучуков

г. Москва

А.В. Савка

В статье рассмотрены основные этапы становления теории модернизации. Показано, что распространение модерна неразрывно связано с цивилизационным сознанием Западной Европы. Рассмотрена взаимосвязь между модернизацией индустриальным и постиндустриальным обществом. Анализируются некоторые концепции, отражающие кризисные явления современности.

Ключевые слова: цивилизация, модернизация, трансформация, современность, глобализация.

Современный мир все больше и больше развивается во всех измерениях глобального развития. Современная эпоха — эпоха глобальных проблем, глобальных процессов, глобальной экономики, глобальных трансформаций и глобального кризиса. Слово «кризис» происходит из греческого языка, где оно обозначало суд, разбор, судебное разбирательство, а также приговор, судебное решение. Из этого следует, что кризисную ситуацию можно понять как ситуацию, требующую разбирательства и вынесения решения по важному неотступному вопросу.

Следует сказать, что предшественницей процессов современной глобализации была западноевропейская культура, культура Нового времени, в которой уже были заложены зачатки грядущего обобщения и объединения: каноны современного научного познания, государственного и политического устройства, развитие техники как одной из основных движущих сил общественного и экономического процесса, модернизация. В Новой Британской энциклопедии модернизация определяется как «трансформация в цивилизацию экономического типа посредством индустриализации; политические и социальные изменения — через формирование светского общества (секуляризацию)». Важными инструментами модернизационной политики названы модернизация в промышленность, культурная революция, а также урбанизация.

Для социологии и философии истории модернизация — это процесс, связанный с масштабными изменениями общественной жизни, начиная с ее ментальных, социокультурных характеристик и заканчивая технико-экономическими. Христиане еще на заре новой цивилизации называли себя *moderni*, отличая таким образом свое общество от предшествующего, ветхого мира — *antiqui*. В английском языке *modern*

(от латинского *modernus*) фиксируется с 1500 года в смысле «современный, не древний, возникший в наши дни». Само понятие становится возможным только в эпоху Возрождения. С этого времени, переходом от средневековья к новому мировидению и возвышению роли человека в мире, современная наука связывает зарождение идеологии, культуры и социально-экономической практики модерна.

XVIII век — это эпоха, когда конструировалась основа национальных государств — национальное самосознание, когда в Англии началось победное шествие промышленной революции, оказавшей решающее воздействие на весь европейский континент, когда падение монархии во Франции и распространение революционных идей подтвердили необратимость происходящих изменений. Это осознавалось современниками как слом старого мира и рождение нового, не похожего на существующий ранее. Маркиз де Кондорсе называл словом «модернизация» способность современных людей научно направлять изменение общества. Распространение модерна во всех его проявлениях в Западной Европе пришлось на XVIII–XIX век, цивилизационное сознание которого воплотило главные идеалы модернизации: — это рациональное знание, эффективная экономика и гражданское общество, что закрепило в культуре ценности терпимости, гуманности, разума, свободы, собственности¹.

Роль религиозных ценностей, религиозных идеалов в социальном развитии, религиозность определенных классов, «социальных носителей религии, вносящих вклад в социальную организацию», — вот лишь несколько блоков вопросов теории М. Вебера, получившего общее название «веберiana». Следует сказать, что идеи Вебера во многом способствовали противопоставлению традиционного типа общества и современного (*modern society*), а также формиро-

¹ Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. М., 2007. С. 225.

ванию актуальной теории модернизации. В «Протестантской этике» он поставил вопрос о значимой и определяющей роли протестантизма в формировании специфической системы общезначимых мотиваций предпринимательской деятельности буржуазного типа, качественно отличной от разных видов хозяйственной деятельности в добуржуазных обществах, о возникновении особой картины мира и системы ценностей, которые позже были названы культурой «модернити».

Веберовская концепция становления капитализма из духа протестантской этики не имеет себе равных, она выступают как ведущая объяснительная модель отличия западного капитализма от незападного. Изучив иудаизм, буддизм, индуизм, конфуцианство, ислам («Хозяйственная этика мировых религий»), Вебер пришел к выводу, что ни одна из этих религий не обеспечила основ капитализма западного типа. Заслуга М. Вебера в понимании глубоких религиозно-культурных отличий Запада от незападных стран, что сделало его одним из наиболее видных теоретиков модернизации, осуществляемой на основе отказа от традиций, от старой культуры населения незападных стран и принятия ими черт культуры Запада. В отличие от В. Зомбарта, полагавшего капитализм вечной и повсеместной формой хозяйствования и организационной деятельности, Вебер считает капитализм единичным, единственным, соответствующим опыту Запада феноменом.

Важное место в модификации нового стиля мышления занимает рационализация массового сознания. На аксиологической шкале происходит смещение акцентов от ценностей коллективизма к ценностям индивидуализма и основной пафос становления нетрадиционного общества заключается именно в идее формирования свободной личности, преодолевшей иррациональность традиционных общинных практик, т. е. то, что Вебер называл «расколдовывание мира». Ментальность носителя традиционного общества сменяется сознанием субъекта договора, наследственные привилегии — провозглашением гражданских прав, несвобода кланово-родовых характеристик — свободой социального выбора. И свобода предпринимательства, и свободомыслие базируются на фундаменте рационализма. Применительно к классическому типу модернизации именно протестантская этика выступала той идеологической системой, которая задала ценностную шкалу нового типа мышления, в рамках которой успешность трудовой профессиональной деятельности оценивается как свидетельство избранный, а совершенствование мастерства — как моральный долг перед Богом. Следует отметить, что появляется особый тип индивидуализма, «моральный индивидуализм» по Дюркгейму или индивидуализм протестантской этики с «непомерным моральным кодексом».

Э. Дюркгейм, в противоположность Веберу, выдвинул свою версию модернизации: западный капитализм, западная современность формировались

двумя сходящимися путями, не только по линии возникновения «духа капитализма» под влиянием протестантской этики, но и по линии секуляризации католических стран, институционализации в них нового уровня солидарности, новых отношений, который Дюркгейм называл органическими. Для Дюркгейма общества с механической солидарностью основаны на недифференцированном функционировании индивида внутри архаичной общины, в то время как общества органической солидарностью базируются на разделении труда и обмене деятельностью. Переход к обществу с органической солидарностью предполагает, с одной стороны, развитость индивида и дифференцированность индивидуальностей, с другой — основанные именно на этой дифференцированности взаимодополнение и интеграцию индивидов, важнейшим фактором которой является «коллективное сознание» и «чувство солидарности».

Свою лепту в теорию модернизации внес Т. Парсонс. Как и Зомбарт, он подчеркивал глобальное значение капитализма западного образца как этапа универсальной социальной эволюции. Становление современной цивилизации Парсонс связывает с Реформацией, с выдающимися социокультурными достижениями, важнейшим из которых это — развитие системы формального права. В Англии XVII, — считает он, — право перестало зависеть от короны, система юстиции стала защищать частные права в противовес короне. Парсонс полагал, что развитие формально-рационального права было важнейшим прорывом, потому что оно предполагало создание определенно социального порядка, предсказуемость развития событий, гарантии прав граждан и личную свободу, — все это он считал великим завоеванием западной цивилизации.

Теория модернизации тесно взаимосвязана с концепциями индустриального общества. Парадигма модернизации — «модернити» — основывалась на представлении об однозначном «преодолении отсталости» в ходе «гонки за лидером» в социальном и экономическом развитии, при интенсивном заимствовании ценностей, норм и стереотипов людей, при достижении стадии индустриального общества. В 1957 г. Дж. Гэлбрейт в работах «Общество изобилия» и «Новое индустриальное общество» давал высокую и исключительно позитивную оценку научно-техническим достижениям человека, подчеркивал глубокие трансформации экономических и социальных структур общества под влиянием этих достижений. Концепция индустриального общества, сформулированного в двух вариантах французским философом Р. Ароном в лекциях в Сорбонне 1956–1959 гг., а также «стадий роста» американского социолога и экономиста У. Ростоу получила форму почти календарного плана развития и реформ. Теория индустриального общества сводит социальный прогресс к переходу от отсталого, аграрного традиционного общества (доиндустриального), в котором господствует натуральное хозяйство и сословная иерархия, к передовому про-

мышленному индустриальному обществу с массовым рыночным производством и буржуазно-демократическому строю. В основе этого перехода лежит НТР, которая привела к последовательности технических нововведений в производстве и управлении, что в свою очередь повлекло радикальные изменения всей общественной структуры, начиная с форм поведения и социального общения и кончая рационализацией мышления в целом.

Эпоха модернизации в определенной мере совпадает с тем, что в концепции американского социолога Д. Белла названо «индустриальным обществом», т. е. обществом с преобладанием тяжелой, в большинстве случаев экологически вредной индустрии, ориентированной на массовое производство, на обеспечение относительного комфорта. «Современная технология открывает множество альтернативных путей для достижения уникальных и вместе с тем разнообразных результатов, при этом неимоверно возрастает производство материальных благ. Таковы перспективы, вопрос лишь в том, как их реализовывать», — отмечал Д. Белл в работе «Социальные рамки информационного общества». Следует напомнить, что термин «индустриальное общество» вошел в научный обиход с легкой руки Сен-Симона, его поддержали Конт, Спенсер и Дюркгейм. В XX в. сформировалась теория индустриального, модернизирующегося общества, сторонники которой рассматривают капитализм как начальную стадию индустриализации, характерную лишь для ряда стран Западной Европы.

Доминирующей для мировоззрения индустриального общества является также идея прогресса, прогресса производства, потребления, знания, морали, искусства, природы человека. В идее прогресса улучшение жизни общества и человека связывается с ростом производства, с укреплением форм социальной кооперации, с освоением новых видов сырья и энергий. Эта идея, по сути, базируется на мифе, согласно которому пределов распространению деятельности человека не существует. Причем сама деятельность человека в этом мире представлена как экспансия человека в пространства природы, как преобразование им внешних для него материй и средств. В этой идее наличествует убеждение в некоем эволюционном автоматизме: движение человека по линии усовершенствования средств деятельности обеспечит ему безбедное и бесконфликтное существование. С этой идеей прогресса родственна философия истории, определяющая магистраль мирового развития, разделяющая общества и культуры на передовые и отсталые, создающая таким образом представления о подтягивании одних стран до уровня других, превосходства одних культур над другими.

И наоборот, важной составляющей идеи прогресса является понятие модернизации, убеждение в необходимости постоянного усовершенствования и

обновления средств человеческой деятельности, причем понятие о модернизации средств так или иначе отрывается от представлений о собственном бытии человека, о конкретном разнообразии природного и социального мира, в котором эти средства могут быть использованы. В идее модернизации средств деятельности подразумеваются машины, самодействующие схемы, обновление которых автоматически приносит человеку вещественные богатства, дает дополнительные возможности в господстве над природой, культурой, историей. В целом процесс модернизации складывается на основе достижений научно-технического прогресса и утверждения в обществе ценностей либерализма. Важно подчеркнуть, что научные, образовательные, технологические и социальные новации становятся неотъемлемой частью прогресса. Таким образом, модернизация индустриальной цивилизации во многом определяется ее инновационным характером. Это означает ее общую ориентацию на изменение привычного образа жизни и образа мыслей, внесение подвижности в законченный экономический порядок, более высокий уровень неопределенности и риска, а стало быть предприимчивости и творчества. Данная черта способствовала формированию еще в Новое время так называемой цивилизации техногенного типа, характерная особенность которой — быстрое изменение техники и технологии, благодаря систематическому применению в производстве научных знаний, способность к умножению знаний и изобретению нового. Общество становится инновационным. Возрастают скорости изменений, что в конце концов начинает угрожать человеческой жизни. Усиливающийся динамизм всех процессов — одна из важнейших характеристик современной постиндустриальной цивилизации.

Суть процессов, происходящих на рубеже XX–XXI века идеолог современного западного менеджмента Питер Ф. Друкер¹ сформулировал так: «С абсолютной уверенностью можно сказать одно: развитым странам, — а возможно, и всему миру предстоит долгие годы глубоких перемен». Таким образом, западная концепция развития и стратегического управления исходит из признания атрибутивности перемен и строит на ее основе политику перемен, согласно которой «политика лидера должна быть направлена на инициирование перемен» и далее: «Мы живем в эпоху глубоких перемен, которые по своей масштабности и возможным последствиям превосходят и те, что произошли в результате Второй индустриальной революции в середине XIX века, и те, что были вызваны Великой депрессией и Второй мировой войной»².

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что XIX век на Западе был периодом восхищения современностью, преклонения перед ней. В то время доминировали настроения оптимизма и прогрессизма: вера в прогресс, разум, в науку и технику, в под-

¹ Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XX веке. М., СПб., Киев 2000. С.129.

² Друкер П.Ф. Указ. соч. С. 11–12.

чинение человеком природы, в неограниченные возможности его экспансии. Небывалый прогресс науки и техники определил ход событий XX века. Развитие науки и техники в XX веке явило невиданную революцию, в результате которой наука стала решающей частью технологии, а сама технология стала наиболее ценным продуктом. В XX веке нашел полную реализацию процесс превращения науки из формы познания мироздания в главное средство преобразования мира, природы и человека. Установка на преобразование, переделывание природы, а затем и общества превратилось в доминирующую ценность техногенной цивилизации. Цивилизация, ориентированная на подобный тип научной рациональности в XX столетии столкнулась с глобальными проблемами, с новой силой прозвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в Западной цивилизации, об адекватности ее мировоззренческих установок, о формировании нового типа рациональности¹.

С середины XX века индустриальная цивилизация стала восприниматься иначе. В ней все больше констатировали кризис, в качестве признаков которого О. Тоффлер² называет безумное потребительство, психологическую депрессию, преступность, истощение энергетических и природных ресурсов, коррупцию, инфляцию, отчуждение, одиночество, бюрократизм, кризис института брака и семьи и т. д.

Стремительно растут психологические нагрузки, приводящие людей к психологическому «онемению», перемены набирают такую скорость, из-за которой реальность кажется калейдоскопом. «Убыстрение перемен» — это конкретная сила, которая глубоко проникает в частную жизнь человека, заставляет его играть новые роли и ставит его перед лицом новой и сильной опасности, подрывающей его душевное равновесие. Эту новую болезнь Тоффлер называет «шок будущего».

Еще в 70-е годы XX в. была опубликована работа французского социолога А. Моля «Социодинамика культуры», в которой показано, что средства массовой коммуникации стали тотальными по воздействию на человека, что мозаичная культура противоположна гуманистической системной культуре. Мозаичная культура — это идеальная среда для манипуляции. В современном глобализирующемся мире огромная концентрация СМИ делают глобализм привычной технологией PR — коммуникации продвижения мифологии глобализма, массовой культуры и формирования «массового человека». Поль Вирилио в книге «Информационная бомба. Стратегия обмана» утверждает, что «технонаука», становясь технокультурой, уже не ускоряет историю, а порождает лишенное всякого правдоподобия головокружительное ускорение реальности. История и

реальность разъединяются, история растворяется в информационных потоках, бесконечно плюрализируясь в отражениях виртуальной реальности. Ж. Бодрийяр отмечает, что мир виртуальной реальности конституирован по весьма сомнительным принципам, «знаки» не обмениваются на «означаемое», самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности». Социологи фиксируют синдром привлекательности виртуального мира, в нем все дозволено, все доступно, но главное — этот мир обладает вполне реальной силой, меняя как социальную, так и биологическую природу человека.

В западных странах сложилась ситуация, которую Э. Гидденс и З. Бауман характеризуют понятием «зависимость», изначально это относилось к алкоголизму и наркомании, сейчас это может коснуться любой сферы деятельности. Зависимость от покупок и желание покупать становится главной целью. Желание покупать, как и прочие разновидности зависимостей, является саморазрушительной, поскольку уничтожает возможность когда-нибудь получить удовлетворение. Причину этого Гидденс видит в том, что изменилась роль культуры. Многие сферы жизни «сегодня гораздо меньше, чем прежде, регулируются традициями и обычаями»³.

В условиях современной глобализации человек постепенно становится рабом привычек и образа жизни, которые когда-то выбрал по доброй воле: «Мы покупаем навыки, нужные, чтобы заработать на жизнь, и средства убеждения потенциальных работодателей, доказывающие, что они у нас есть; мы покупаем имидж, который нам приглянулся и способы заставить других поверить, что мы являемся теми, кем теперь выглядим; мы покупаем способы завести новых нужных друзей и избавиться от старых, нежелательных; мы покупаем способы привлечения внимания и ухода от чужого внимания; мы покупаем средства выжить максимум удовольствия из любви и избежать «зависимости» от любимого или любящего партнера; мы покупаем средства завоевать любовь возлюбленного и наименее дорогой способ завершения союза, когда любовь угахла и отношения перестали радовать; мы покупаем лучшие средства сохранения денег на черный день и наиболее удобный способ потратить деньги до того как мы заработаем их; мы покупаем способы более быстрого выполнения того, что должно быть выполнено, и заполнения образовавшегося свободного времени; мы покупаем наиболее аппетитную пищу и наиболее эффективную позволяющую избавиться от последствий ее употребления диету; мы покупаем самые мощные стереоусилители и наиболее эффективные таблетки от головной боли»⁴.

¹ См.: Савка А.В. Философско-антропологические и социокультурные аспекты российской самоидентификации // Социология. PoCa.2010. №4. С.163.

² Тоффлер О. Третья волна. М. 2002. С. 530.

³ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 63.

⁴ Бауман З. Текущая современность. Спб., 2008. С. 82.

Живя в мире симулякров, Запад в итоге породил метафизически и онтологически ущербного человека, который может управлять почти всем, кроме одного: этот человек не может управлять своим сознанием и умом, своей волей, а в итоге своим телом и своими действиями внутри страны и за ее пределами. Этому человеку гораздо меньше удастся властвовать над своими желаниями и эмоциями; поэтому вся европейская религия, право и культура заняты возвращением средств укрощения безмерных желаний и страстей, переходящих в оргии безумствования. Ж. Бодрийяр так оценивает нынешний Западный мир: «Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это состояние после оргии...Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена — все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?»¹.

Концепции «постистории», наступления «эры симулякров» и «смерти человека», «истощения и вырождения социальности», «власть-знаний» — все они отражают глубочайший кризис постмодернового общества. Социально-исторически постмодерн — это «культурная логика позднего капитализма». В этом отношении постмодерн выступает как «неуправляемое возрастание сложности, «эра усиливающегося беспорядка, имеющая глобальную природу». Информационная культура явилась важнейшим фактором становления постмодерна, обусловившим переход от производства вещей (модерн) к производству знаков, символов, информации.

Каждое общество обладает определенным этносом, означающим совокупность ценностей, образующих символы веры, трансцендентальную этику, нравственный фундамент общества, традицию. Протестантская этика, включающая в себя трудолюбие, бережливость, аскетизм, стремление к успеху составляло «дух капитализма». Д. Белл указывает на то, что этосом постиндустриализма является «этнос науки». Поскольку преобладающая культура — постмодернизм не является адекватной для постиндустриального общества, постольку она оказывается лишенным нравственного фундамента. Отсутствие прочно укорененной системы моральных устоев является культурным противоречием этого общества, самым сильным бросаемым ему вызовом. М.Кастельс в работе «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» приходит к выводу, что главными движущими формами информатизма являются корпоративный характер накопления и достижения общества потребления, что «дух информатизма» не соответствует культуре, понимаемой как система ценностей, поэтому сетевая экономика лишена этического фундамента.

В постмодерне ведется сокрушительная критика традиционных ценностей, норм и регулятивов для

того, чтобы освободить место новому образу потребителя культуры, для которого информация — культурная ценность. Тем самым постмодерн проявил себя как мощная форма отчуждения человека от целерационального проектирования и социального действия. В постмодерне любая общность, коллективная норма и правило выступают по отношению к человеку как насилие, репрессия, от которых он должен освободиться. Антропологический тип, на который ориентирован постмодерн — это космополит, свободный от догматов любых традиций и норм, прекрасно понимающий их условность. Вместо привычных ценностей постмодернизм создает поверхностную, горизонтальную модель общества, свободную от утопий будущего и мифов прошлого и ориентированную на технологии права, управления, компромисса и всеобщего комфорта. Такое новое самоощущение индивида в обществе требует и новых этических ориентиров и они находятся. М.Фуко создает ситуационную этику — «этику контекста». Этическая регуляция выражается в желании бросить вызов «любому злоупотреблению властью, кто бы ни был его автором, кто бы ни был его жертвой».

Феномен постмодерна может быть рационально понят как фаза развития техногенной цивилизации, пришедшая на смену модерну, о наступлении которой было объявлено в начале 70-гг. прошлого века. Речь идет об осознании общественной мыслью значения второго закона термодинамики — закона энтропии. Немецкий философ и экономист П. Козловски убедительно показал, что этот закон означает конечность природных ресурсов, а также человеческих систем. Иными словами, это предупреждение человечеству, о том, что история может идти не только к хорошему и лучшему, но и в противоположном направлении. Прошло более 30 лет со дня выхода книги А. Медоуза и его коллег «Пределы роста», в которой было показано, что если в мире не изменится система социально значимых ценностей, то человечество обречено, глобальная экологическая катастрофа неминуема. Авторы книги утверждали, что человечество должно обрести новую культуру глобального, взаимозависимого и солидарного мира, в которой ценности эгоистического, обособленного и индивидуалистического мира рассматриваются как опасные и бесперспективные и для общества, разделяющего эти ценности, и для мира в целом. Сегодня эти идеи актуальнее, чем когда-либо. В начале тысячелетия в докладе Римского клуба² говорится, что распространение на весь мир даже наиболее современных технологий способно отсрочить глобальную экологическую катастрофу всего лишь на несколько десятков лет. Поэтому единственной альтернативой фундаментальному научно-технологическому прорыву, способному предотвратить экологическую катастрофу, может стать либо десятикратное сокращение численности народонаселения

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. 2000. С. 7.

² Вайцзекер Э., Ловинс Э., Ловинс Л.Х. Фактор четыре: затрат — половина, отдача двойная. М., 2000.

земли, либо пропорциональное ему снижение производства и давления на окружающую среду.

У. Бек, немецкий экономист и социолог показывает, что в современном обществе производство богатства неотделимо от производства рисков, последнее приобретает главенствующее значение в жизни общества. Говоря о закате эпохи модерна, Бек тем не менее придерживается мысли о ее незавершенности, о наступлении фазы второго модерна и нового типа «рефлексивной модернизации», критичной по отношению к индустриализации. Вместе с детрадиционализацией индустриально-общественных основ разрушается монизм представлений об основе общества как распределением богатства, дополняя эти представления логикой распределения страха и нарастания рисков, ценностного кризиса, нарастания нестабильности и недоверия. Постиндустриальный, глобальный капитализм снимает с себя ответственность за занятость и демократию. Глобализация драматически меняет природу власти, размывая государственные границы и ослабевая национальные правительства и национальный суверенитет. В работе «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия» 2007 г. Бек приходит к выводу, что великие идеи европейского модерна — национализм, коммунизм, социализм, а также неолиберализм — исчерпали себя и следующей великой идеей мог бы стать самокритичный космополитизм, если бы эту исконную традицию модерна удалось открыть для вызовов XXI века. Бек придерживается особого своего понимания космополитизма: «Монологическое национальное воображение в социальных науках предполагает, что западный модерн — это универсальная структура, а модерн «других», не принадлежащих западной цивилизации, можно понять только в сравнении с идеализированной западной моделью. Господствующая концепция современности, сформировавшаяся в Северной Америке в том виде, как она представлена в старых теориях модернизации и в теориях развития, помещает не Запад в самом низу эскалатора, движущегося вверх по направлению к Западу. Запад же находится на пике современности с точки зрения капиталистического развития, секуляризации, культуры и демократических государственных образований. В космополитической перспективе нам, скорее, следует заниматься вопросом, как цивилизации, не принадлежащие Западу, по-иному, чем он, планируют и представляют себе свои особые сочетания культуры, капитала и национального государства, а не предполагать, что они являются недоразвитыми вариантами некоего западного первообраза. Таким образом, космополитическая социология находится в оппозиции к универсализирующей теории, которая создается в башне из слоновой кости»¹.

По И. Валлерстайну, внешняя экспансия капиталистической мир-системы, способствовала ее

превращению в единственную глобальную мировую систему, в которой выделяются ядро, полупериферия и периферия, и которая вступила в состояние фазового коллапса, долговременного системного кризиса, возрастания социальных рисков, увеличения возможности насилия и военной агрессии. Основные противоречия современной капиталистической мир-системы в переходный пятидесятилетний период, как считает Валлерстайн, сводится к следующим: неустойчивое геоэкономическое и геополитическое равновесие США, Японии, Европы; усиление экономического разрыва между «Севером» и «Югом»; стабилизация численности населения в ядре капиталистической мир-системы и его рост на периферии; ухудшение положения среднего класса; ограничение экологических возможностей капиталистической мир-системы; снижение абсолютного и относительного объемов прибыли; усиление антисистемных движений на «Юге»; кризис либеральной модели развития капиталистической мир-системы («Анализ мировых систем и ситуация в современном мире 2001»). Образ будущего представлен Валлерстайном² двумя альтернативными сценариями: трансформацией капиталистической мир-системы в новую тоталитарную мировую систему или совокупность локальных систем, отвергающих принципы равенства и демократии. Для осуществления прогрессивного сценария наоборот необходимо создать общественный миропорядок, основанный на принципах социального равенства и демократии и учитывающий наличие множества культурных моделей, выработанных человечеством. Однако для создания такого общественного порядка требуются совершенно новые институциональные структуры, формы которых сейчас предсказать невозможно. Важную роль здесь должны, по мнению Валлерстайна, сыграть социальные науки. Он возлагает на весь комплекс социально-гуманитарных наук задачу выработки нового знания, адекватного современной картине «переломной эпохи», ревизуя или переосмысливая по необходимости устаревшие идеи и методологические подходы³.

Во второй половине XX века многие исследователи на Западе заговорили о негативных последствиях перехода к постиндустриальному, глобальному обществу. О.Е. Андерсон указывает на возникшие противоречия между центром и периферией мировой экономики. Центр обеспечен коммуникативными, когнитивными и креативными возможностями, он носитель главной идеи информационно-технократического порядка, периферийные регионы — носители идеи, ориентированной на извечные человеческие ценности, то есть налицо противостояние идей. Глобальный капитализм Дж. Сорос ассоциирует с империей, которая имеет центр и периферию и получает выгоды за счет периферии.

¹ Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 28.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С. 329–331.

³ Валлерстайн И. Система знания тоже оказалась в кризисе... // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5.

Сегодня весь мир оказался в ситуации модернизации, особенно в связи с необходимостью преодоления последствий глубокого кризиса глобализации. Следует отметить, что современному кризису предшествовали ряд обстоятельств, прежде всего радикальное изменение структуры производственных активов в пользу легких (финансовых и интеллектуальных), превалирующих в сфере услуг, что во многом стало причиной перенакопления всех активов. Такая структура активов потребовала новых знаний и они начали стремительно развиваться. Конкурентное преимущество во многом достигается за счет получения данных, креативного и инновационного использования информации, однако нынешний кризис показал, что за этим стоят не только выгоды, но и потери. Услуги, в т.ч. и интеллектуальные, в большей своей части — это фиктивное благо, фиктивное благо также дизайн, консалтинг и другие услуги. В результате к фиктивному капиталу добавились фиктивные блага, которые финансируются фиктивным капиталом. Нарастание фиктивной составляющей в мировой экономике усиливает неопределенность в нем.

С другой стороны, современная экономическая система сама имеет сложнейшую структурно-функциональную организацию, в которой отдельные подсистемы и элементы приобретают все более и более черты сложного целого, требующие создания новой системы управления, регулирования, контроля. В условиях современной глобализации, всемерного развития информационно-коммуникативных технологий и обострения конкурентной борьбы на мировых рынках главной характеристикой экономики становится глобальная конкурентоспособность, основными элементами которой являются новые знания, инновационность, динамизм, эффективность и гиперконкурентность, которые определяют преимущества мировых стран — лидеров и передовых транснациональных корпораций. Гиперконкуренция, таким образом, неотделима от инновационной стратегии, которая, как считал Й. Шумпетер, близка к понятию «креативной деструкции» (creative destruction), или «созидательному разрушению рынка» на всех уровнях. В книге «Капитализм, социализм и демократия» Шумпетер показал, что экономическое развитие «вращается» около инноваций, «новые комбинации факторов» позволяют снижать производственные

расходы. Прибыль получает тот, кто раньше других использует нововведения. Когда же нововведения достаточно распространены, то производственные затраты выравниваются и прибыль исчезает, старые продукты и прежние формы организации вытесняются, возникает процесс «созидательного разрушения», процветание сменяется депрессией. Таким образом, воздействие инноваций на конкурентоспособность и экономический рост является всеобщей закономерностью, однако внедрение инноваций сопряжено с возрастанием риска и неопределенностью результатов.

Необходимо подчеркнуть, что развитие знания способствует смене индустриального общества на информационное, которое еще более усиливает роль знания в обществе, в экономике, приводя к возникновению «новой экономики», основанной на научном знании. Нарастание роли знания в обществе стало характеризоваться термином «общество знания», в этом обществе отсутствие необходимого знания также является фактором риска. З.Бауман в работе «Действовать в условиях неопределенности» (2010) так охарактеризовал суть происходящих процессов в современном обществе, которое утратило свойство устойчивости, требуя перманентного обновления: «Общество модерна», переходящее в «постмодерн» — это не какое-то идеальное устоявшееся качество. Оно прибывает в процессе непрерывного изменения и реформирования, выступая как «никогда не завершающееся, вечная погоня за чем-то новым и бесконечное обновление самих себя по мере дальнейшего движения».

Таким образом, для современной цивилизации характерно резкое возрастание динамизма всех социально-экономических сфер жизни и нарастание рисков, неопределенности развития всех сторон жизнедеятельности общества. Такое положение дел в мире было охарактеризовано А. Гринспенем «Эпохой турбулентности» (2007 г.). С точки зрения глобальной экономики турбулентная теория говорит о том, что мир в 2000 г. вступил в длительную фазу структурной перестройки, некую новую макроинновационную волну, в фазу глобализации, в фазу повсеместного изменения политической, социальной и экономической структуры общества, системы управления и нового образа жизни «глобального человека».

Назв. Англ.

Авторы англ.

In article the basic stages of formation of the theory of modernization are considered. It is shown that distribution of a modernist style inseparably linked with consciousness of a civilization of the Western Europe. The interrelation between modernization by an industrial and postindustrial society is considered. Some concepts reflecting the crisis phenomena of the present are analyzed.

Key words: civilization, modernization, transformation, actuality, globalization.